● ПАТРУЛЬНЫЕ В НЕБЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

ИМ СВЕРХУ ВИДНО ВСЕ

После службы в армии и учебы в Хабаровске, не расстается с небом старший летчик-наблюдатель Украинской базы авиационной охраны лесов и обслуживания лесного хозяйства ГАЙДУЧЕК Николай Петрович.

Когда на Чернобыльскую землю пришла беда, он был одним из первых вертолетчиков «вспахавших» насыщенное радионуклидами небо Полесья. Даже вспомнить трудно—с кем только не приходилось летать. Тут и дозиметристы, и ученые, и административные работники разных рангов, и журналисты, и охотники, и...

— А как со здоровьем, Николай Петрович,—спрашиваю его.—Ведь 26 лет в воздухе, 9 из которых в зоне, это не шутка.

Подвижный и общительный, он с улыбкой отвечает:

— Говорят, если после 40 лет ты утром подымаешься и у тебя ничего не болит — значит ты умер. Ну, а если серьезно, то у нас с этим строго—летную комиссию нужно проходить систематически и в обязательном порядке.

— Сейчас вы несете патрульную службу по охране зоны отчуждения от пожаров. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— Перед базирующейся в Чернобыле группой по тушению пожара в составе пилота, летчика-наблюдателя и трех десантников, стоит задача—выявить и своевременно потушить возникшее загорание, не допустить возникновения крупномасштабного пожара.

— Как часто приходится это делать?

— В прошлом месяце мы 8 раз десантировали группу. Но бывают случаи, когда нет условий для высадки десанта. Тогда мы сообщаем диспетчеру координаты загорания и он направляет туда бойцов пожарно-химических станций. Когда наша группа не в состоянии справиться с пожаром, мы вызываем на помощь наземные службы «Чернобыльлеса», а то и пожарников Чернобыля.

— Не страшно идти на огонь? Насколько рискована ваша работа?

— Для нас она обычная. И риск есть у всех—и у водителя автомашины, и у строителя, да и у вас, журналистов, риск тоже немалый.

— Ну, а почему же в зоне так часто возникают пожары? Неужели виной всему являются разбитые бутылки, стекла которых срабатывают как увеличительные, или есть какие-то другие причины?

— А вы посудите сами. Как-то застряли в районе Машевского лесничества белорусские баржи. То ли они в ожидании помощи уху варили, то ли еще что, но в результате «пустили петуха» нам сразу в трех точках. Несколько раз мы высаживались, но огонь уничтожил свыше тридцати гектаров. Ведь сухостой горит как порох.

— Обычно, возникновение пожара расследуется, и если обнаруживают поджог, возбуждают уголовное дело.

— Что-то я не припомню такого случая.

Интересная картина получается. Наше «богатенькое» государство содержит милицию, охраняющую зону, «Чернобыльлес», являющимся ее смотрителем, авиацию и десант для борьбы с огнем —и все это оплачивается из кармана налогоплательщика — нас с вами. А браконьер, проникший в зону, чтобы обогатиться за счет того же государства, сделав поджог, спокойно уходит. Ну, а если попадется, ну — заберут ружье или снасти, ну, может, оштрафуют на смехотворную сумму. Не обидно ли за державу? То бишь — за нас с вами?

— Самогоноварений не бывает. Разбитые бутылки и тому подобное—это теоретические возможности. Мне в своей практике приходилось наблюдать загорания от сухих гроз. Основные же пожары в зоне — дело рук человеческих.

— Вам приходилось много летать, много видеть. Какое впечатление производит на вас зона отчуждения? Ведь вы ее знаете со «дня рождения».

—Ужасное. Безлюдные, разрушающиеся села, все заростает, дичает. К этому привыкнуть невозможно...

— Есть ли у вас на сегодня какая-то социальная защита? Есть ли свой профсоюз?

— Посмотрели бы вы в каких ужасных, антисанитарных условиях живут наши десантники! А что такое профсоюз... Ведь все решает администрация.

— Какими средствами индивидуальной защиты обеспечена ваша группа при тушении пожаров?

— Самой «надежной» и «универсальной» — марлевой повязкой «Лепесток». Правда, после каждого пожара ее можно менять, чего не скажешь о спецодежде. Вы видите, это такое же ХБ, как и на вас. И если она прогорит, мы не знаем, где брать другую.

— Ну, а если кто-то получит ожог, есть чем оказать первичную помощь?

— А вот наша аптечка. Как видите, тут кроме нашатырного спирта и йода ничего нет.

И опять мне стало обидно за державу, и за этих прекрасных, действительно мужественных ребят. Когда же у нас человеческий фактор выйдет на первое место, а все остальное будет дано для его блага или хотя бы для помощи в работе?!

Михаил ЗАГРЕБА.